Александр БАЛТИН

Земное и небесное в недрах творчества Андрея Платонова

К 120-летию со дня рождения (28.08.1899 – 5.01.1951)

Самые корни фраз открылись ему, хотя иные выглядят, как вывернутые наизнанку вещевые мешки: слишком вытряхнуто из них привычное, дабы новое наполнение грозило и жгло.

Жизнь тяжела?

Это банально…

Могучая гвардия сыновей, которой любуется отец, выглядит и впрямь мощно и уверенно, и так странно, что мать, давшая столько крепкой плоти миру, оставила себе сухое, сморщенное тело.

…Но даже поп, вписанный в рассказ, пришедший на дом совершать панихиду, воспринимается так крупно и выпукло, что становится понятно, насколько умел Платонов просвечивать сущность человека.

Попу, растерявшему, вероятно, веру, но не имеющему вариантов жизни, остаётся жаждать подвига, произнося ветхие, древние слова и совершая ритуалы, способные ли связать с закрытым миром? Нет ответа…

Но дальше драма проявится во взаимоотношение детей, так редко видящихся; и хотя мать ещё не погребена, детское, тёплое, озорное, захлестнувшее их ночью и вызвавшее тяжёлое недоумение третьего сына, было сильнее их.

Всегда будет кто-то относящийся к жизни с повышенной серьёзностью – в данном случае это оказался третий сын.

И именно через него, через рубежный момент траурной ночи, вдруг представшей садом воспоминаний, и углубляется реальность, предложенная нам классиком.

Чары чудовищного Чевенгура

Справедливость должна зародиться естественным путём: из воздуха и почвы, и коли так, почему бы ей не зародиться в Чевенгуре?

Коммунизм и справедливость были синонимами для Андрея Платонова, как один из ранних псевдонимов его – Человеков – свидетельствовал о желание вместить в себя всё разнообразие людей.

Тем не менее, персонажи Чевенгура слишком запредельны: они, с одной стороны, напоминают гомункулусов, хитро выращенных в лаборатории писателя, с другой – идут от таких низин, знание которых сегодня вряд ли кому-то открыто, но было доступно Платонову.

Сгущение фразы выжигает сомнения: плоть повествования слишком реальна – хотя и базируется на фантастическом допущении.

Рабочая сила верна делу пролетариата, как сознательное существо – с почти человеческим разумом.

Небывалые эпитеты, мастерством которых всегда поражала проза Платонова, разрастаются садом, и иные цветы оного достигают экзотической высоты.

Мы едем дальше.

Мы увидим блаженный Чевенгур, где так просто ждать царствия небесного.

Но Иисус Христос, снова проходящий мимо, не посулит нам ничего сверхъестественного. Кроме памятника романа, растущего из чернозёма ради феномена русского космизма, где объединяются мечта и правда.

Дванов, Пиюся, Копёнкин.

Мастер Захар Павлович, дети, нищеброды, с ароматной бородкой старик.

Мир, представленный, пронизан лучами абсурда.

Мир, данный на страницах, сияет утопическим золотом.

Пролетарская сила жуёт траву, ибо даже лошади коммунизма нужен корм.

Есть ещё одна, подспудно означенная линия: всякое человеческое знание неполно по определению: мы постигаем только фрагменты мира, и попытки их переустроить всегда несколько неуклюжи.

В определённом смысле – роман «Чевенгур» вариант Вавилонской башни, а то, что достроить невозможно, свидетельствует о чрезмерной грандиозности замысла…

Хлеб «Котлована»

Упорство, с которым копается котлован под огромное здание с названием «Социализм», постижимо Вощёвым лишь отчасти, ибо имеющий склонность задумываться над ходом вещей вообще, он не очень полагается на множественные усилия.

«Ребёнок будет жить за вас!» – говорит Вощёв ругающимся родителям, с биологически-метафизической точностью обозначая простую сущность жизни.

Над хлебом можно ли думать?

Уродливый безногий, вымогающий еду у имущего, не столько отвратен, сколько выехал на своей тачке из Босха…

Отчасти босхиана и творится кругом – с лицами, слепленными из земли, с размахом пищевой страсти, кормёжки, съедающей столько жизненного времени и пространства.

Пространства всегда в избытке, и то, что человек, лёгши лицом в траву, видит корни травинок и рабочую суету муравьёв, только подчёркивает звёздность бесконечного неба.

Бесконечное нагромождение Платоновских эпитетов завораживает: словно реальность языка вывернули наизнанку.

Или так перетряхнули мешок слов, что перемешались они, дав новые узоры.

Абзац тяжёл, как буханка, и его можно резать, чтобы проще было съесть (прочитать).

Ухает медведь-молотобоец.

Копается грандиозная яма.

Верит ли Вощёв в социализм, какой предложит людям подлинную меру?

Верил ли в него сам Платонов?

Порою кажется – не особенно, понимая, что если фразы можно изгибать так, как гнул он, то всякое человеческое начинание достаточно условно – ибо человек зависим от языка, и в большой мере формируется им.

И феномен языка Андрея Платонова будет поражать и облучать следующие поколения – по крайней мере, какое-то число их представителей.

Земное и небесное

Земное, изученное Платоновым до йот – мелиорация, нищебродство, электричество, жизнь масс, густота плазмы, прущей к чему-то…

Что, может быть, зародилось само, будучи справедливостью?

Ибо не зря же едет герой на Пролетарской силе в страну коммунизма, которая оборачивается чудовищным Чевенгуром.

Ибо не зря же копают, денно и нощно, усердно, без всякой меры, яму под будущий социализм…

Почему-то Платонов «Третьего сына» и «Июльского ливня» нежнее и в чём-то ярче, чем Платонов двух великих, монструозных романов (попробуйте-ка даже не глупому современному старшекласснику привить любовь к подобному языку!).

Язык-слом?

Язык-откровение?

Так, люди-маски Зощенко говорят на невозможном волапюке, – выдранные из деревень, хлынувшие в города, живущие только низовым, пищевым, толстым – и всё равно: в чём-то выше предыдущих, ибо не зря же разворачивалась мистерия великого октября, не для того же, чтоб Троцкий, по его дневниковой записи, объедался икрой после захвата власти.

…Платонов и Ван Гог. Нелепость? Но фразы Платонова, словно мазки Ван Гога: раны, кричащие о будущем счастье.

Платонов и Циолковский. Логичнее – ибо фиалковый космос Циолковского призывает человека к дальнему пределу: не говоря о постижение ближнего.

Платонов и Николай Фёдоров – старый, с хитроватым прищуром русский философ, встающий в своей каморке с сундука, и глядящий в такие бездны, что у Льва Толстого захватывало дух (вроде бы граф говорил о счастье быть современником Фёдорова).

…ибо общее дело делается через Чевенгур, через бесконечный котлован, пусть кажется оно абсурдным, оно – как из Библии, из Ветхого завета – столь огромно, что муравьи, принимающие в нём участие, не могут знать о конечной цели.

Муравьи вырастут, нарушая законы природы – сравните уровень грамотности 1913 года и… 1933, хотя бы.

Муравьи вырастут – и в этом будут линии общего дела, и зеркальный блеск русского космизма, играющий в недрах текстов Андрея Платонова.

Монструозных текстов.

Великих текстов.

…Но галереи образов у него нет – то есть есть, конечно, масса персонажей, но напоминают они големов, гомункулусов, выращенных лабораторно: не представить же, как Чичикова, или Раскольникова, Дванова и Пиюсю?

Тут иное: тут неустанная работа языка, язык, как персонаж – и истории, и истории советской республики; язык – делающий нас, формирующий наши сознания, опороченный и полузабытый сегодня: превращённый в банальный передаточный механизм…

И только ради этого – необъяснимого цветения и благоухания языка – стоит вчитываться в каждую фразу и абзац Андрея Платонова…

Инна СЕРГЕЕВА

Любви старинные туманы

О книге Станислава Грибанова «Нечаянная радость»

Впервые мы увиделись со Станиславом Викентьевичем в качестве автора и редактора в 1998 году. Передо мной стоял человек небольшого роста, мускулистый, энергичный, с точными экономными движениями подлинного покорителя высоты. Коллеги-пилотяги звали таких «маленькими» из-за их небольших, но динамичных маневренных боевых машин. Так же экономен в беседах, немногословен был Грибанов в нашей совместной работе над рукописью «Хроника времён Василия Сталина». Издательство просило по техническим соображениям слегка «ужать» текст, поэтому позже, глядя на выходные данные следующих изданий Станислава Викентьевича, я не удивлялась строке «издано в авторской редакции». До самых печёнок проели автора редакторские внедрения в его тексты. Несмотря на «виражи» вокруг рукописи «Хроники…» мы стали большими друзьями. Поэтому мне особенно трудно писать рецензию на его последнюю на сегодняшний день книгу «Нечаянная радость». Книгу неожиданную. Думаю, и для самого автора…

«Нечаянную радость» читаешь «послойно». И каждый «слой» достоин особого внимания. Авторские воспоминания-комментарии прорезаются по всему тексту книги. Заметки, наброски, иронические оценки прошлых и нынешних событий в стране и в жизни любого человека как бы «проживают» книгу и превращают её в единый организм.

Вот Иван Иванович Пстыго, лётчик, командарм воздушной армии Группы советских войск в Германии, а позже маршал авиации. Задумал он написать мемуары и обратился за помощью к Станиславу Викентьевичу. Тот не удержался от шутки и процитировал в ответ фразу своего бывшего командарма: «…Кто летает – тот не пишет! А кто пишет – тот не летает…».

Шутки шутками, но С.В. нашёл маршалу отличного соавтора, и книга вышла.

За этим эпизодом убедительно просматриваются и образ маршала Пстыго, и насмешливый характер Грибанова.

Вот замкомэска майор Павел Афанасьевич Марюхнич, герой превосходного эссе «Вынужденный поскриптум». С автором Марюхнич не очень-то дружил, больше того, штурман эскадрильи не горел желанием допустить Грибанова к самолёту. «…Во мне вспыхивает профессиональное самолюбие, и я оскорбляюсь (признаётся Грибанов):

– Товарищ майор! Я не курсант, я уже лётчик!

– Кто лётчик? Ты лётчик? Чкалов лётчик… А ты…».

После такого разноса и речи быть не может о дружбе. Но жизнь непредсказуема, и Марюхнич, нервно оглядываясь по сторонам, объявляется вдруг на пороге квартиры автора, да не один, а со знакомой пилотской братве буфетчицей из привокзального ресторана Дусей.

Мог бы Станислав Викентьевич на вопрос Марюхнича «жены нет?» ответить: «Жена дома»? мог. И парочка, пришедшая «послушать пластинки», моментально бы испарилась. Но хозяин дома включил проигрыватель и на некоторое время удалился «к соседу»…

«Друзья, – заключает автор эссе о Марюхниче, – моё несогласие по поводу дифференцированного подхода к девушкам и самолётам я могу подтвердить множеством захватывающих историй и примеров, поэтому решительно заявляю: любовь и небо – едины!»

«Приложение» ещё одна связка, делающая повествование органичным и крепко спаянным. «Приложение, – объясняет автор, – лишь повод оторвать вас (читателей – *И.С.*) на несколько минут от ядовитых гаджетов и сравнить свой тепло-хладный пульс с биением сердец, дошедшим из дали веков… читаешь о былом – расходятся «любви старинные туманы», и перед тобой открываются судьбы людей в борении между разумом и влечением; долгом, надёжностью и любовным жаром; сердечностью и страстью».

Именно на этих страницах книги лежит золотой отблеск солнечных дней молодости и влюбленности знаменитых персон: Александра Пушкина, Ивана Тургенева, Николая Некрасова, Фёдора Тютчева, Александра Грибоедова, Оноре де Бальзака, Гёте, Наполеона, Гюго, князя Потёмкина…

«Мария, сладчайшая Мария, моя первая мысль принадлежит тебе, моё первое желание – снова увидеть тебя»…

«Твоя любовь – как утренняя и вечерняя звезда: она заходит после Солнца и встаёт до Солнца»…

«Чем более я думаю, тем сильнее убеждаюсь, что моё существование не может быть отдельно от Вашего: я создан для того, чтобы любить Вас и следовать за Вами»…

«Я встретил вас – и всё былое
в отжившем сердце ожило»…

«…а нынче-то что? – вопрошает Станислав Викентьевич Грибанов. – «Шестидесятники», громкоголосые поэты-приватизаторы, бывшие члены ЦК, секретари и орденоносные редакторы, готовые служить любому режиму, где же ваши таланты, на что ушли «души прекрасные порывы»»? Ведь больше четверти века живём без цензуры. Манерные говоруны от литературы, шуты гороховые, лукавые стихослагатели заняли места, расселись в «надежды маленьком оркестре», а управлять-то им кто собрался? Регент с тремя аккордами под гитару? «Живые классики», якобы гонимые советской властью, но не вылезающие из-за бугра – вся эта рать их рифмы про вождей революции да про великие стройки социализма остались в прошлом, а о дне нынешнем в рифму хоть матом крой!.. Дух потребительства, прагматизм, бездуховность витают над Равниной Русской. Царствует кошелёк с деньгой, сжирая юные души. Всё-то нынче продаётся, всё покупается, и не остаётся в сердцах места для возвышенного, из всех страстей чувства – любви».

Многое вобрал в себя публицистический слой «Нечаянной радости». Часть биографии автора, и страстные, и нежные, и беспощадные характеристики окружающего задают книге тот тон, который делает музыку. Но не забудем главной ноты, радости, которая не изменяет Станиславу Викентьевичу и в осмыслении нерадостных сторон нашей нынешней жизни.

Возвращаясь мыслями к многослойности композиции книги, неизбежно ставишь рядом с публицистическим началом прозаические работы Грибанова. Это рассказы, посвященные профессии лётчика, накрепко связанной с небом, с высотой, с любовью. Посвящённые и самой любви, её зарождению в жизни юного 19-летнего повествователя.

В книгу вошли семь рассказов. «Слоны» в Елисеевском», «Нечаянная радость», «Благородный король», «Иванов-цвет», «Тишина», «Луканька», «Баня».

Забавные, порой грустные, лирические, порой озорные, смачные произведения, отобранные для небольшого в общем-то издания (9 печатных листов), щедро демонстрируют читателю даже на таком малом пространстве художественные возможности Грибанова-прозаика. Не случайно он – лауреат многих литературных наград: премий «Имперская культура», имени А.Чехова, С.Есенина, премии космонавта Ю.Гагарина. За вклад в русскую литературу он отмечен орденами Гавриила Державина и Владимира Маяковского.

Над первым фотоснимком «Нечаянной радости», где автор навеки запечатлел своих товарищей-лётчиков, сделано посвящение: «…друзьям лихой, чуточку бесшабашной и неповторимой нашей молодости». И в каждом рассказе, так или иначе, среди персонажей главные – летуны, слова памяти или восхищения их геройской, удалой работой в небе и на земле.

Любовь любовью, но и в последнем произведении, заключающем книгу, «Юбка-то – не брюки…» зачин воспоминаний автора вводит читателя в казарменный быт эскадрильи, где он оказывается самым молодым и неопытным в обращении с женщинами. Как же не помочь молодому сталинскому соколу с высоты своего мужского превосходства? И вся казарма наперебой учит, наставляет, даёт ценные советы, отправляет его на танцы в соседнюю деревню, где быстрое знакомство лётчика-истребителя переходит в укромном уголке в наступление и где, признается автор, «…поверженный мною «противник» сдался под кустом белой сирени без всякого сопротивления, напротив, великодушно заметил: «Да юбка-то не брюки, её вверх поднимать надо…»

Эпизод важный, ожидаемый, но дело, оказывается, не в нём. «И не смеха ради, а скорей, с грустью предлагаю лирическое отступление… сказочку по изданию Фольклор русской Украины» выпуска 1909 года».

Перед нами уже не «рассказ в рассказе», а сочное фаблио, достойное соседства с хороводом ядреных сказочек «Декамерона». Бесстыдное положение того, как Иван-извозчик вёз пригожую молодую жидовочку к родне, в какой-нибудь малый Егупец (Егупец – Киев на древнеевр. языке идиш – И.С.), да всё придерживал лошадь, чтобы заночевать в степи. Без всяких многоточий и деланной стыдливости, с поистине народной похабностью описано соитие лукавого молодого извозчика и глупенькой хорошенькой еврейской девчоночки.

Ничего не оскорбляет в читателе это фаблио. Сто очков вперёд даёт оно лимоновскому «Это я, Эдичка», построенному на сплошной матерщине. Неизвестный автор 1909 года нашёл и слова – пусть и солёные! – и описание действий героя – пусть непристойных! – но не в матерных выражениях, а оставаясь всё время как бы «на краю».

Вираж, заложенный Грибановым для пластичного ввода скоромного происшествия давних лет в события примерно середины 50-х годов прошлого века, поистине вызывает изумление. Фаблио плотно срастается с основным сюжетом, с тем, что «…уже и не верится, что всё это было»…

Но книга родилась, живёт и будет жить долгие годы, хотя бы потому, что мало в нашей жизни нечаянных радостей, а Станислав Викентьевич Грибанов влил в наши души и радость, и любовь, и самое святое, что получило человечество со времён Адама и Евы: соединение мужчины и женщины.

Вячеслав АР-СЕРГИ

По канону доброй дружбы

О чешской версии романа «Бабочки – над ночью»

От редакции:

Творчество Вячеслава Ар-Серги, народного писателя Удмуртии, никогда не оставалось вне внимания переводчиков. По недавнему официальному сообщению Национальной библиотеки Удмуртской Республики, стихи и проза Вячеслава Ар-Серги переводились и публиковались на более чем полусотне российских и европейских языков. И вот новое событие в творческой биографии одного из ведущих современных национальных писателей России – его роман издан в Чехии отдельной книгой. Это стало важным поводом для беседы с Вячеславом Ар-Серги, которую любезно предложил нам писатель ***Княз Гочаг****.*

– Вячеслав Витальевич, мы приветствуем вас с новым зарубежным изданием. Мы знаем, что ваши отдельные книги издавались в Венгрии – на венгерском, в Черногории – на черногорском (сербско-хорватском), в Эстонии – на эстонском, в Беларуси – на белорусском… а также в Казани – на татарском, в Чебоксарах – на чувашском, в Йошкар-Оле – на марийском и т.д. Что послужило первотолчком к проекту перевода и издания вашего романа на чешском языке?

– Этот роман, под названием «Уй вадьсын – бубылиос» («Бабочки – над ночью») впервые был опубликован ещё в 2000-м году. Он написан на удмуртском языке и переводов на русский пока не имеет… Его название в чешском варианте стало, по общему нашему согласию – «Izevske noci».

– Чехи перевели его напрямую с удмуртского оригинала?

– Да, но не совсем. Основой для своего работы Иржи Новак, именно он переводил, взял венгерский перевод моего романа, изданный отдельной книгой в Венгрии в 2005-ом году. Венгерский перевод напрямую выполнил Иштван Козмач, профессор филологии Сегедского университета, изучивший и знающий удмуртский язык буквально в нюансах. Мне иной раз даже кажется, что мой венгерский друг владеет нашим языком не в пример лучше многих нынешних удмуртских стихослагателей и повествователей. Но то, что лучше, чем молодые наши авторы, – это факт. Иштван Козмач знает удмуртский язык вплоть до диалектизмов, архаизмов, жаргона и т.п. Он даже издал в Венгрии венгерско-удмуртский словарь, чрезвычайно обогатив этим нашу общую финно-угристику.

– А ваш переводчик на чешский язык Иржи Новак?..

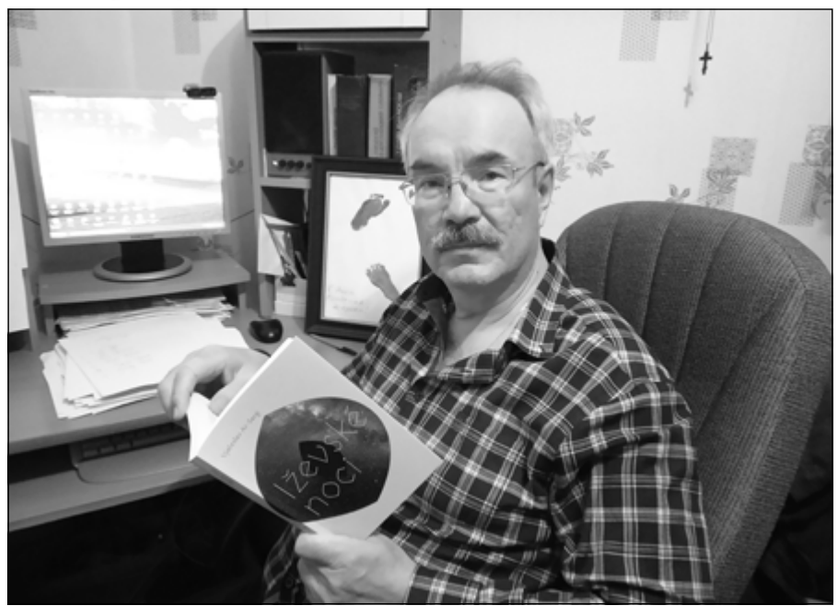
– Да. И он тоже не остался в стороне от изучения, освоения нашего языка. Ещё будучи студентом старшекурсником Карлова университета в Праге, он приезжал в Ижевск на курсы удмуртского языка, проводимые для иностранцев нашим Удмуртским госуниверситетом. То есть, Иржи Новак представление об удмуртском языке имел довольно чёткое и только после этого приступил к переводу моего романа на чешский язык. И к тому же он над переводом работал далеко не один год, долго работал, и отнёсся к работе очень ответственно. И конечно, задавал вопросы… Да, добавим к этому и то, что Иржи Новак в свое время изучал и венгерский язык в Будапеште.

– Европейская школа перевода изначально базируется на знании языка – об этом нам много говорили и ранее. Об этом мы в свое время писали и свои студенческие рефераты на филфаках. Ещё и тогда, когда наши советские «переводчики», в особенности столичные, вовсю и запросто молотили переводы национальных авторов нашей страны с подстрочников. А, впрочем, иные ретивые «переводчики» это делают и сейчас. Иной раз возьмёшь газету или журнал, посмотришь сайтец, и увидишь переводы таких доброжелателей – в одной подборке у них лихо идут – «перевод с ногайского, перевод с табасаранского, перевод с чувашского, перевод с калмыцкого, перевод с марийского…». Вот какие полиглоты!

– Вы совершенно правы, Княз. Многие переводчики не только не знали языков, но и слыхом даже не слыхивали интонацию поэтической речи «переводимых» ими национальных российских авторов. Более того, зачастую они и не предполагали – где они живут, и не бывали на их родине… Но это не влияло на размеры их гонораров. Помнится, в литинститутские времена мы нередко засиживались в нижнем буфете ЦДЛ, где зачастую слышалось, как эти «переводчики» бахвалились своими «переводами с чучмекского – на сберкнижку». Это – было. Но знаете, Княз, что я вам скажу, не открывая америк, талантливый переводчик может, наверное, и с подстрочника (хорошего!) уловить суть идеи произведения. Но для этого ему, конечно же, надо иметь уровень поэтического мироощущения никак не ниже Бориса Пастернака, Семёна Липкина, Якова Козловского, Елены Николаевской и других.

– То есть, нам «не надо стрелять в тапёра – он играет, как может»?

– Не знаю. Переводы художественных произведений в нашей многонациональной литературе нужны – однозначно, но кто ими сейчас занимается? Только энтузиасты или просто шабашники, увидевшие «сруб легкой деньги».



Увы, а системы литературного перевода у нас ныне нет. Но мы несколько отошли от нашей темы…

– Да, да. И вот Иржи Новак, насколько я знаю – молодой чешский переводчик, выполнил работу – перевел ваш роман свой родной язык и…?

– А тут в дело включилась добрая судьба. Закоперщиком, или как модно сейчас говорить в москвах – хедлайнером, данного проекта изначально стал Михал Коварж, преподаватель Масариковского университета в Брно. Что его подвигло взяться за этот проект? Знаете, я ведь в точности не могу на это ответить… Может быть, его жена-венгерка, прочитавшая мой роман на венгерском языке. Она, кстати, работала в Венгерском культурном Центре в Чехии и приглашала меня в Прагу с моим творческим вечером.

– У вас был творческий вечер в Праге?

– Да. С предварительными афишами по городу, рекламой… Даже с последовавшим за мероприятием фуршетом и пресс-конференцией для пражских журналистов. Было это, дай Бог памяти, лет эдак с десять назад…

– Вот там и, полагаю, окончательно оформилась у чехов мысль – издать ваш роман на чешском языке…

– Может быть… С течением времени Михал Коварж обратился за поддержкой в Министерство культуры Чешской Республики и книга вышла именно с его помощью. А потом книга была напечатана издательством Павла Мерварта в городе Червени Костелец. Тау – спасибо!

– Вас приглашали на презентацию?

– Да, приглашали.

– А о чём этот ваш роман?

– О нашем времени, берущем начало из прошедших времён. Главный герой Аруд попадает в трудную жизненную ситуацию, но именно благодаря возвращению к своим удмуртским корням, ему удаётся выйти из всего этого с меньшими потерями. Есть тут элементы триллера, детектива, и, наверное, эротики… Завет последнего удмуртского князя-торо находит своё исполнение именно в наши с вами лихолетные дни – быть верным народу своему и родине своей, дорожить честью своей и родиной предков – удмуртов. Ох, как это, оказывается, непросто – в нескольких фразах пересказывать сюжет немаленького романа…. Это не только – непросто, но и – невозможно.

– Наверное. Я видел в сети, что ваш роман неплохо реализуется в Чехии, покупают его. Слышал хорошие мнения о нем и от литературных специалистов, читателей…

– Я и сам желаю ему доброго пути – и под чешским парусом.

– Мы – тоже. Мне видится, что это и есть настоящая составляющая литературной народной дипломатии между нашими народами. По канону доброй дружбы.

На фото: *Вячеслав Ар-Серги со своей чешской книгой.*